

Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М. Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры: Сб. науч. тр. Отв. ред. Г.А. Невелев. – Брянск, 1992. С.98-107

С. 98

Имя Сергея Михайловича Соловьева вписано в историю отечественной культуры, в историю науки благодаря его историческим и философским трудам, публицистическим сочинениям, а также долголетней преподавательской и лекторской деятельности. Выдающееся значение, которое имели его работы, обязывает исследователей углубленно и пристально изучать каждое опубликованное или оставшееся в рукописи произведение Соловьева.

Одним из них является его студенческое сочинение «Феософический взгляд на историю России», написанное в 1841 г., то есть в ту // **С.99** пору, когда начинающий историк учился на третьем курсе Московского университета. Нельзя сказать, что эта работа совершенно неизвестна биографам Соловьева. Краткие сведения о ней содержатся в обзорах архивных источников о С.М. Соловьеве, опубликованном А.Н. Шахановым¹. Н.И. Цимбаев в своей научно-популярной и в то же время полной новых важных фактов и наблюдений книге «Сергей Соловьев» обстоятельно рассмотрел это сочинение в плане идейной эволюции автора. Соловьев, по словам Цимбаева, «более или менее удачно пересказал, дополнил и украсил официальную политическую доктрину»². Таков главный вывод биографа Соловьева, с которым нельзя не согласиться. Оба автора – и Цимбаев и особенно Шаханов – противопоставляют это раннее сочинение более поздним, подчеркивая различия между ними. Цель настоящей работы состоит в более подробной характеристике сочинения Соловьева и отыскания преемственности между его студенческимopusом и более поздними трудами.

Жизнь и деятельность Соловьева в студенческие годы (1838-1842) слабо отразилась в сохранившихся до нашего времени источниках. Число их невелико. Сочинение «Феософический взгляд...» по достоверности, полноте представленных в нем воззрений автора занимает среди них центральное место. Рукописи с полным текстом этой работы находятся в ЦГИА (Петербург), в фонде 1120 (Соловьевых), разделенные на две единицы хранения. Внутри одного архивного дела имеется черновик всего труда (Ф. 1120. Оп.1. Ед. хр. 73. Л. 1-34). Там же – начало окончательной редакции текста (Ф. 1120. Оп.1. Ед. хр. 73. Л. 35-38). Дело носит название «Феософический взгляд на историю России». В другой единице хранения находится окончание работы (Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1-46). В архиве оно получило особое название – «Краткий очерк истории России (до начала XIX в.)». В фонде Н.Л. Рубинштейна, работавшего над монографией о Соловьеве, есть машинописная копия сочинения, заверенная ЦГИА (ОР РГБ. Ф. 521. К.5. Ед. хр. 9. Л. 1-74). Имеется еще сокращенная редакция текста – конспект сочинения, написанный зятем Соловьева Н.А. Поповым, который со-

бирал материалы для биографии ученого. Этот конспект хранится в ОР РГБ (Ф. 285. К.7. Ед. хр. 13. Л. 1-3 об.).

Соловьев создал свой труд как учебную работу, курсовое сочинение. Оно так понравилось профессору С.П. Шевыреву, что он сохранил его. Уже после смерти Шевырева его дочь передала рукопись Всеволоду Соловьеву, старшему сыну историка. Таким образом, в составе других бумаг ученого она дошла до нашего времени. // **С.100**

«Студенческие работы редко самостоятельны», - справедливо отметил Цимбаев, характеризуя сочинение Соловьева³. Интерес к произведению молодого историка порожден не какими бы то ни было новыми фактами, обнаруженными автором, или впервые высказанными им идеями (их там нет), а отразившимися в нем стилем мышления Соловьева, кругом понятий и идей, в котором вращалась его мысль. Известно, что уже в студенческие годы Соловьев интересовался философскими проблемами истории и «по тогдашнему времени был чрезвычайно начитан»⁴. Как вспоминал Соловьев, в студенческие годы он имел намерение заняться философией, «чтоб воспользоваться ее средствами для утверждения религии, христианства»⁵. Выросший в семье священника будущий историк был глубоко религиозным человеком. Более того, как признавался он в письме к родителям, одно время он даже хотел стать монахом⁶. «В изучении историческом» Соловьев «бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Симонди...»⁷. Однако более всего он был увлечен идеями Гегеля, который, по словам Соловьева, в ту пору «кружил всем головы». С именем этого философа, как отмечал автор философического сочинения, было связано «систематическое построение мыслительного рассмотрения ... истории»⁸. «И моя голова работала постоянно, - вспоминал Соловьев, - схвачу несколько фактов и уже строю на них целое здание»⁹. Отметим, что именно в то время, когда молодой историк вступал в науку в 1840-е гг., ярко проявилась потребность в отходе от чисто эмпирических исследований и в построении концепции или, как говорил Соловьев много позже, формулы русской истории. Эту потребность Соловьев ощущал уже на студенческой скамье. Гегель, как полагал Соловьев, «произнес истину неоспоримую, что всякий народ должен иметь свою философию, как имеет свою историю, и следовательно, должен иметь свою философию своей истории. Отсюда рождается вопрос: какова же должна быть философия Русской Истории?»¹⁰ В своем сочинении он пытался интерпретировать отдельные идеи Гегеля в православно-русофильской форме. И в то же время автор спорил с Гегелем. Он не соглашался с немецким философом, писавшем об исключительной исторической роли германских народов – «носителей христианского принципа»¹¹, и выдвигал идею особого назначения русского народа — «крестonosца без меча». Русская история истолковывалась Соловьевым в религиозном, провиденциалистском духе со ссылками на Священное Писание. Вместе с тем знакомство автора с сочинениями Эверса, Тьерри, Гегеля, Вико, // **С.101** оставив глубокий след в его мышлении, делало его сторонником идеи органического развития ис-

тории. В своем сочинении он пытался следить за внутренней связью событий (писал о возникновении того или иного исторического явления «естественным образом»), что впоследствии станет для него центральным принципом в исследовательской работе; да и выражение «естественным образом» не напоминает ли известное Соловьевское «естественно и необходимо», то и дело звучавшее в лекциях профессора?

Историю России Соловьев рассматривал во взаимосвязи с мировой историей. Последнюю он разделял на два периода — «мир Древний или языческий, и Новый или христианский». Соловьев подчеркивал: «Понятие христианства так тесно соединено с понятием новой истории, что нехристианские народы не принимают в ней вовсе или самое слабое участие, являются каким-то анахронизмом, аномалиею»¹². В первом периоде «все естественное, плотское, во втором духовное и искусственное, то есть собственно человеческое»¹³. Жесткое противопоставление двух мировых эпох («бездна различия», которая видна «из ... слов Писания») - результат глубокой религиозности историка, в данном случае мешавшей ему сохранять позиции последовательного сторонника органического развития истории. Идея двух периодов в мировой истории не была отброшена Соловьевым и в более поздние годы. Она запечатлена уже на первых страницах «Исторических писем» (1858)¹⁴. В начале XIII тома «Истории России с древнейших времен» (опубликован в 1863 г.), в главе «Россия перед эпохой преобразования», Соловьев отмечал в жизни Европы «начало новой европейско-христианской истории»¹⁵. В статье «Прогресс и религия» (1868 г.) Соловьев писал о том, что «история этих (европейских - авт.) народов представляет два отдела - древний и новый, языческий, или греко-римский, и христианский»¹⁶. Деление европейской истории на древний и новый мир ярко выступает в труде Соловьева «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868-1876). Как видно, эта идея, впервые выраженная историком в студенческом сочинении, встречается в ряде его работ. Она не теряла своего значения в его глазах в течение всей творческой жизни ученого.

Помимо деления истории на древнюю (языческую) и новую (христианскую) Соловьев ввел в свою работу еще одну периодизацию, которая помогала осмыслить историю отдельного народа, разграничивая время его детства и возмужалости. Первый из этих периодов детство - Соловьев определил как религиозный: «У всякого народа // **С.102** бывает свой религиозный период: в этом периоде главною пружиною деятельности народной является религия: все события и все произведения ума и воображения носят печать религиозного. Но в этом периоде всякий народ обыкновенно стоит на низшей степени образованности, детски, бессознательно руководится религиозными внушениями, слепо повинуетя духовным водителям. Такая детскость и бессознательность исчезает с возмужалостью народа, но, к несчастью, с тем вместе исчезает и спасительное влияние ре-

лигии»¹⁷. Позже идея двух возрастов в истории народа стала одной из центральных идей первой лекции Соловьева в его «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 г.)¹⁸. «Органическое тело, народное тело растет, значит проходит известные возрасты, разнящиеся друг от друга, легко отличающиеся. Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства...». Второй возраст, как считал Соловьев, - «период господства мысли»¹⁹. Идею двух возрастов народа Соловьев наполнил новым содержанием, затушевывая в нем религиозное начало и в большей мере связав свою идею с представлениями об органическом развитии.

Итак, в сочинении «Феософический взгляд на историю России» Соловьев в качестве общего закона развития народов отмечал падение влияния религии при переходе от детства к зрелости. Однако история русского народа, по мысли автора, носит печать некоей исключительности: «В одном только Русском народе религиозное влияние будет продолжаться вечно..., ибо мы веруем несомненно, знаем без гордости и исповедуем без тщеславия, что любимый Богом народ наш призван Им быть вечным восприемником народов при Святой Купели Крещения во Христе, знаем, что на нашем народе, как на восприемнике, лежит священная обязанность воспитывать дикие народы Азии для Христианско-Европейской гражданственности. Отсюда необходимо следует, что народ Русский... всегда будет видеть в судьбах своих судьбы Божии, и вот почему философия русской Истории ... должна носить на себе название Феософии»²⁰. Итак, «Россия есть ... первое (по значению - авт.) христианское общество, христианское государство по преимуществу»²¹. Таким образом, автор ответил на главный вопрос своего сочинения: «Какой же народ Европы можно назвать по преимуществу христианским? Какая Европейская страна представляет образец христианского государства?»²². Понятно, что события русской истории автор объяснял главным образом действием Божьего Промысла. // С.103

В сочинении Соловьев заявил об особой исторической миссии России, которая составляет смысл ее истории. Это - влияние на Восток, на Азию, ожидающую от России христианства и гражданственности. Позже в работе «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого» (1851), отказавшись от представления об исключительности восточного славянства, он писал: «Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени - сухим путем»²³. Как писал Соловьев в работе «Древняя Россия» (1856), русские – «передовой отряд европейско-христианских народов», находящийся в постоянной борьбе с «азиатскими варварами, подпадая даже игу последних»²⁴. В этом отношении роль России, писал Соловьев в работе «Восточный вопрос» (1867-1876), аналогична роли Греции, тоже граничившей с Азией²⁵. Божий Промысел тут уступил свою роль географическому положению обеих стран. Примечательно, что в этих рассуждениях историка подразумевается

типологическое единство Руси-России и других европейских стран, что получило ясное оформление в работе «Начала русской земли» (1877-1879). В ней Соловьев писал о том, что «государства европейско-христианские» тесно связаны друг с другом «единством веры, общего происхождения и результатами цивилизации, выработанной общею историческою жизнью». Отличаются они друг от друга своим географическим положением: «морские ли они или континентальные», «западные ли они или восточные, пограничные с Азией»²⁶.

Историю России Соловьев начинал с «посемейственного правления», «отсутствия единовластия». В его построениях еще не чувствуется того огромного, определяющего значения, которое позже в двух своих диссертациях и других трудах он придавал роду, родовым отношениям и их эволюции. Являясь народом исключительным, славяне сами дошли «до мысли о правлении, до мысли о необходимости власти». Соловьев выдвигал в качестве важнейшего события русской истории сознательное призвание славянами варягов, в результате которого «недостаток связи естественной, родства, единоплеменности заменился связью высшею, духовною; эту-то нравственную духовную связь между племенами Славянскими и составил Богоданный дом Рюрика. Он был животворящим строительным элементом в славянском хаосе, ибо до сих пор между Славянами не было жизни: жизни нет // С.104 в разрозненных частях, она является только при соединении частей в одно целое: и поэтому Славяне, живя до призвания Князей Варяжских порознь, не имели истории, следовательно не жили»²⁷.

Влияние органической теории чувствуется в суждении Соловьева о том, что «разделение России на уделы не было ее раздроблением, но средством к ее соединению, которое иным образом произойти не могло»²⁸. И вместе с тем ниже он говорил, что «историк-феософ видит в разделении России на уделы не несчастье, но благодеяние Промыслителя, «в удельных князьях ... распространителей Веры Христовой, единителей, собирателей земли Русской»²⁹.

Подобно Н.М.Карамзину, Соловьев считал, что монголы «учредили у нас единовластие»³⁰. Позже эта идея была им совершенно отброшена. В сочинении же он дополнял ее еще и той мыслью, что благодаря монголам «русские заметили, что они не Азиатцы, а народ христианский и европейский»³¹. Это знаменовало собой прогресс в народном самосознании. В качестве значительных звеньев и русской истории, и развития единовластия Соловьев отмечал историю Владимирского княжества и правления Ивана IV, во время которого утвердилось это единовластие³². Важнейшей гранью в истории русского народа Соловьев считал события начала XVII в. В то время «народ ... осознал свою форму жизни, а вследствие этого сознания окончательно утвердилось самодержавие, которое дало России средства к начатию второго сливного периода жизни своей, ко вступлению на поприще всемирно-исторической деятельности»³³, последнее было связано с именем царя Петра.

Оценивая реформы начала XVII в., Соловьев впервые сформулировал свое понимание этого явления следующим образом: «Это преобразование и было полным проявлением Русской народности. Русская народность состоит, во-первых, в тождестве Царя с народом ... Сия скорость преобразования, показывая тождество воли Царя с волею его народа, показывает вместе и правильность явления, показывает, что это не была одна прихоть Петра, но потребность народа»³⁴. Эта идея тоже нашла свое место в более поздних трудах Соловьева – «Истории России ...», «Публичных чтениях о Петре Великом». Более того, в зрелые годы он сделал ее одной из центральных своих идей.

В курсовой работе Соловьев довел «феософическое» рассмотрение русской истории до правления Николая I, «когда Россия сознала, что она есть Россия, сознала вполне свою самосущность и свое // С.105 великое назначение»³⁵. Отметим проходящее через все сочинение Соловьева его стремление следить за одним из важных процессов - за процессом роста народного самосознания, сознания «своей формы жизни»: от рождения духовной связи меру народом и княжеско-царским домом Рюриковичей через осознание себя христианами, через осмысление своей неразрывной связи с самодержавием к пониманию своей всемирно-исторической роли, о чем и говорит феософия русской истории. Ход мысли Соловьева отражал идею Ф. Гизо о том, что предметом истории является развитие народного самосознания. К этой идее Соловьев возвращался неоднократно. В 1856 г. в работе «Древняя Россия» он говорил о том, что «самосознание является для нас одною из первых потребностей». «Самопознание народное» - это «плод науки, просвещения»³⁶. В современных ему условиях, как он выразился в «Публичных чтениях о Петре Великом», наукой народного самопознания является история³⁷.

Наблюдения над рукописями Соловьева показывают, что его курсовое сочинение является весьма любопытным и важным источником для биографии великого ученого, для истории его творчества. В сочинении молодого историка мы встречаем не средневековый провиденциализм и не свойственное историкам XVIII в. сочетание религиозного понимания истории с ее рационалистическо-прагматическим истолкованием. Провиденциализм Соловьева - это форма освоения органической теории, идей Гегеля, Вико, Эверса, Тьерри. Такой вариант понимания исторического процесса с сильно акцентированной религиозной стороной не помешал Соловьеву-студенту конструировать концепцию русской истории на основе принципа внутреннего единства, взаимосвязи этапов. Религиозность подавляла строгую научность, но все же не препятствовала преодолению влияния устаревших идей Карамзина, движению мысли к новому освоению истории. До сих пор о религиозности Соловьева авторы работ о нем говорили как бы между прочим, как о чем-то второстепенном, бытовом, не имевшем отношения к его историческим исследованиям. На первый план выдвигались строго научные стороны в его мышлении, в исторических построениях. А между тем эта религиозность, наложившая яркий отпечаток на все содержание рассмотрен-

ного сочинения, воздействовала и на работы, созданные в более зрелую пору. Последующая эволюция историка в сторону сциентизма, строго научной методологии при сохранении глубокой религиозности ставит перед исследователями его творчества вопрос о новых формах взаимосвязи религиозного и научного в его трудах. // С.106

Исследователи недооценили главную сторону раннего труда Соловьева: от этого произведения тянутся связующие нити к более поздним произведениям, выражая идейную преемственность многие мысли, высказанные в «Феософическом взгляде...», получали дальнейшую все более глубокую разработку на протяжении всей творческой жизни ученого. Нет ни одного более или менее крупного труда Соловьева, в котором они не отразились бы тем или иным образом. До сих пор эти идеи не обращали на себя внимания историографов. В настоящей статье, не претендующей на полную разработку темы, вопрос только поставлен.

- ¹ Шаханов А.Н. Архив С.М. Соловьева // ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып. 45. М., 1986. С.34-35.
- ² Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С.68.
- ³ Там же. С.67.
- ⁴ Фет А. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С.235.
- ⁵ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С.268.
- ⁶ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.3. Л.29.
- ⁷ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. С.269.
- ⁸ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.73. Л.35.
- ⁹ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. С.268.
- ¹⁰ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.73. Л.35.
- ¹¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. С.323.
- ¹² ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.73. Л.36.
- ¹³ Там же. Л.36 об.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Собрание сочинений. СПб., б.д. Стлб.852,853
- ¹⁵ Его же. История России с древнейших времен. Кн. VII (тома 13-14). М., 1962. С.9.
- ¹⁶ Его же. Собрание сочинений. Стлб.955.
- ¹⁷ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.73. Л.35 об.
- ¹⁸ Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стлб.975-980.
- ¹⁹ Там же. Стлб.975,977.
- ²⁰ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.73. Л.35 об. – 36.
- ²¹ Там же. Ед.хр.74. Л.20 об.

// С.107

- ²² Там же. Л.7.
- ²³ Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стлб.833.
- ²⁴ Там же. Стлб.803,805.
- ²⁵ Там же. Стлб.903.
- ²⁶ Там же. Стлб.764.
- ²⁷ ЦГИА. Ф.1120. Оп.1. Ед.хр.74. Л.20.
- ²⁸ Там же. Л.28 об. – 29.
- ²⁹ Там же. Л.29 об.
- ³⁰ Там же. Л.31.
- ³¹ Там же. Л.32
- ³² Там же. Л.33,35.
- ³³ Там же. Л.40.
- ³⁴ Там же. Л.44 об.
- ³⁵ Там же. Л.46 об.
- ³⁶ Соловьев С.М. Собрание сочинений. Стлб.847, 848.
- ³⁷ Там же. Стлб.971.